

ИСКУССТВО НЕ ТОЛЬКО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ ОНО ЖДЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Около десяти лет назад мне потребовалось срочно издать монографию – без этого не допускают к защите докторской диссертации. Таких денег у доцента-бюджетника, естественно, не было. Эпопея поисков завершилась харру апd'ом. Известный в городе предприниматель, ранее меня не видевший, и о том крупном современном композиторе, которому посвящена книга, не слышавший, вынул из кармана немалую сумму и вручил мне. Я рассыпался в благодарностях, заверил, что его имя будет непременно упомянуто в издании. «Ни в коем случае», – твердо сказал он.

С одной стороны, искусство – инстинкт цивилизации, культуры. Именно в этом смысле оно «требует жертв». От того, кто им занимается. Зачастую художник, не задумываясь, идет на лишения, ибо не может не творить. Так рыба, идущая на нерест, не считается ни с какими препятствиями. С другой, оно остро нуждается в поддержке. Приходя на выручку таланту, протягиваешь руку помощи и сотням, тысячам тех, для кого он пишет, поет, играет. Порой приходится слышать, что гений и сам пробьет себе дорогу. Однако, во-первых, не всегда, а во-вторых, в этом ему можно помочь, а можно если не помешать, то оставить на произвол судьбы. Как в анекдоте. Водитель на остановке наблюдает, как к его автобусу изо всех сил поспешает старушка. «Успеет или нет»? – лениво думает он. Закрывает двери перед самым ее носом, бормочет: «Не успела» – и трогает с места.

Когда родилась благотворительность в сфере искусства? Безусловно, позднее самого искусства: тот первобытный художник, который более 20 тысяч лет назад вырезал из известняка 11-сантиметровую фигурку женщины, известную как «Венера Виллендорфская», в спонсорстве не нуждался. Вероятно, тогда, когда в обществе возникло имущественное расслоение, разделение труда, а художественное творчество было осознано как специфический род деятельности, то есть профессия.

Фараон-реформатор Эхнатон, живший за 14 веков до новой эры, совершил переворот не только в политической и религиозной жизни, но и в искусстве Древнего Египта. Он окружил себя художниками и поэтами. В этой среде родился знаменитый скульптурный портрет супруги царя – Нефертити, которым восхищается ныне весь мир.

«Меценат» – так звали умершего в I веке приближенного древнеримского императора Августа. Он покровительствовал наукам и искусствам, удостоился памяти истории: его имя стало нарицательным.

В эпоху итальянского Возрождения меценатами выступали знатные фамилии: Медичи во Флоренции, Борджиа в Риме.

Бетховен пользовался расположением русского посланника в вене графа А. К. Разумовского...

В России благотворительность как серьезное явление заявила о себе в послепетровскую эпоху. Так, просвещенный вельможа граф Иван Шувалов, фаворит императрицы Елизаветы, был покровителем и другом Ломоносова, создавал вместе с ним Московский университет. Но поистине золотой ее век – предреволюционные десятилетия, эпоха бурного развития капитализма, не случайно совпавшая с высочайшим взлетом русского искусства. Чайковский пользовался многолетней финансовой помощью баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк, вдовы российского «железнодорожного короля». Кроме того, автору «Лебединого озера» императором Александром III была пожалована пожизненная пенсия в 3000 рублей. Николай II субсидировал «Мир искусства» – знаменитый журнал знаменитого объединения художников.

Купцы, заводчики, фабриканты – Мамонтовы, Рябушинские, Морозовы – поддерживали деятелей искусства, открывали картинные галереи и музеи, создавали театры, оказывали финансовую помощь литературным издательствам. О братьях Павле и Сергее Третьяковых знает сегодня каждый школьник: их фамилия увековечена в названии прославленной галереи, основу которой составила подаренная городу Москве частная коллекция.

Как видим, благотворителями выступают либо государство и лично властители, либо частные лица и корпорации. Если государство пожелало устраниваться из этой области, оно обязано позаботиться о других источниках финансирования. Забота должна выражаться в установлении определенных правил игры, в контроле над их соблюдением, в выработке системы поощрительных мер. Образец государственной поддержки – Германия, негосударственной – США. Россия пока ушла от первой, советского образца, и не пришла ко второй.

Специальные исследования показали, что в качестве ведущих побудительных мотивов благотворительности выступают милосердие и богобоязнь, стремление к общественному признанию, следование чужому примеру, а также... настойчивость просителя.

Не требует специального разъяснения тот факт, что в советскую эпоху явление это не существовало. Понятно и то, что на рубеже XX–XXI веков оно стало подниматься из пепла. Подобно всему новому, волна зарождается в столице и расходящимися кругами движется в провинцию. Однако складывается впечатление, что в разные стороны движется она с неодинаковой скоростью и силой.

Примеров московских и петербургских предостаточно. Внешторгбанк традиционно поддерживает Мариинский театр, компания «British American Tobacco Russia» – Русский музей, «Сургутнефтегаз» – Третьяковку, «Samsung Electronics» – Большой театр, Эрмитаж, Академию русского балета и т. д. и т. п.

Если взять сопоставимые с Ростовом города, ситуация в которых мне лучше известна, сравнение явно не в нашу пользу. Генеральным спонсором Нижегородского международного фестиваля искусств им. академика А. Д. Сахарова выступает Альфа-Банк. Этот фестиваль дополняется другим, «Картинки с выставки», тоже весьма представительным, на котором мне довелось присутствовать. Список спонсоров занимает в буклете полстраницы. В Екатеринбурге симфонический оркестр носит гордое имя «Губернаторский», со всеми вытекающими из этого последствиями: разве может глава региона позволить, чтобы «его» оркестр содержался в ненадлежащем состоянии! Ростовский Академический симфонический оркестр, кажется, полузабыт и отцами области, и благотворителями: нет средств на гастроли, на приглашение крупных дирижеров, на осуществление масштабных проектов.

Донские меценаты жертвуют средства на строительство храмов, лечение, приобретение квартир и многие иные благие цели. До художественной культуры очередь доходит реже, а классическую музыку они пока не заметили вовсе. Почему? Полагаю, потенциальные спонсоры в детстве и юности с ней разминувшись и не считают «всяких Бахов и Моцартов» чем-то стоящим внимания. Личное отношение – еще один мотив благотворительной деятельности. Человек, который в свое время помыкался без жилья, у которого болели близкие (а у кого они не болели?), который любит футбол, охотнее пожертвует средства на соответствующие цели, чем на, условно говоря, дорогостоящее изучение цветовых оттенков солнечных восходов и закатов. Как писал о подобном отношении к «бесполезному» искусству Николай Гумилев, «Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...»

На что же надеяться филармониям и консерваториям?

Прогноз сдержанно-оптимистический: поскольку социальные процессы развиваются медленно, культуре следует дожидаться *второго* поколения российских богачей – при условии, что оно будет правильно воспитываться, иметь хорошее образование, непременно с гуманитарной прививкой.

Прогноз просто оптимистический. Под воздействием таких факторов как забота о престиже, патриотические чувства и соображений типа «а чем мы хуже?» помощь начнет поступать раньше. Здесь велика роль властей «первой» и «четвертой», то есть государства и СМИ. Нужна мода на благотворительность! Подобно моде на большой теннис или горные лыжи. Слово, исходящее «сверху», личные пристрастия руководителей государства в России всегда значили очень много. Главный дирижер Мариинского театра Валерий Гергиев недавно сказал: «Только за счет нефти и газа великой державой мы никогда не станем. Не вкладывать деньги в российскую культуру просто стыдно!» А если бы что-нибудь подобное прозвучало из уст первых лиц страны? Да и патриотизм в массовом сознании ассоциируется, в основном, с чем-то железным, выкрашенным в защитные тона. Любить Родину можно отнюдь не только с автоматом в руках. По авторитетному утверждению В. А. Родионова, генерального директора великой картинной галереи, когда в 1892 году Третьяков подарил Москве свое собрание, этот гражданский акт вызвал бурный всплеск *патриотизма* в тогдашнем обществе.

Прогноз пессимистический оглашать не будем из суеверия, что произнесенное слово обладает тайной энергией воплощения.

Ростовская консерватория, одна из лучших в стране (это признано российским музыкальным сообществом) в ноябре–декабре проводит уже Третий международный фестиваль «Ростовские премьеры». Его формат: музыка ныне живущих композиторов мирового уровня, никогда не звучавшая в Ростове, в присутствии авторов. Таких фестивалей в России больше нет, тем более – проводимых не концертной организацией, специально под это заточенной, а учебным заведением. Можно смело утверждать, что фестиваль уже вошел в истории донской и российской культуры. Композиторы разных стран знают о его существовании, о нем сообщали федеральные СМИ, ростовская публика проявляет к нему немалый интерес, а городские и областные власти и бизнес – игнорируют. Ректор консерватории, известный в стране и за рубежом музыкант, заслуженный артист России, профессор А. Данилов неоднократно обращался с письмами о спонсорской помощи в ростовские банки, другие организации. Тщетно. Ростовский еженедельник в заголовок интервью с А. Даниловым вынес брошенную им в сердцах фразу: «Сознание коммерческой элиты еще не доросло до помощи искусству».

Уважаемые серьезные ростовские бизнесмены! Докажите, что ректор был неправ! Он будет рад признать свою ошибку. С конца августа подготовка к «Ростовским премьерам» вступит в решающую фазу. Связь – через меня (234-9336; aria11@yandex.ru) или непосредственно с президентом фестиваля Александром Степановичем Даниловым (приемная: 262-3614).

Что касается моего личного давнего благодетеля и его желания сохранить инкогнито, то это вполне типичная история. Владимир Спиваков, рассказывая одному журналу о деятельности своего благотворительного фонда, подчеркнул, что из-за неумения властей решать многие проблемы наше спонсорство «до сих пор носит подпольный характер. Как газета „Искра“. Русские меценаты не хотят обозначаться. Потому что часто возникает вопрос: „Если ты даешь столько, то сколько же еще у тебя есть?“»